

THOMAS CLAYTON WOLFE

THE WEB
OF EARTH

DEATH,
THE PROUD
BROTHER

ТОМАС КЛЕЙТОН ВУЛФ

ПАУТИНА
ЗЕМЛИ
СМЕРТЬ —
ГОРДАЯ СЕСТРА

ПОВЕСТИ

*Перевод с английского
Виктора Голышева*

МОСКВА «ТЕКСТ» 2019

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)

В88

ISBN 978-5-7516-1536-9

© В. Голышев, перевод, 2019

© ИД «Текст», издание на русском языке, 2019

ПАУТИНА
ЗЕМЛИ

— В... год, когда налетела саранча, случилось это в год, когда налетела саранча, два голоса услышала я в тот год... Сынок! Сынок! Кажется, столько лет прошло с тех пор, как налетела саранча и объела дочиста деревья, — столько всего было с тех пор и столько лет прошло... «Что там?» — говорю.

И говорит: «Два... два...» Говорит: «Двадцать... двадцать».

«А? Что там?»

«Два... два», — один голос, а другой: «Двадцать... двадцать».

И я твоему папе: «Два, — кричу, — двадцать... двадцать — неужели не слышишь?»

И опять: «Два... два», — один голос, у окошка, а другой: «Двадцать... двадцать», — прямо на ухо мне.

«Неужели ты не слышишь, мистер Гант?» — кричу.

«Господи, женщина, — говорит твой папа. — О чем ты толкуешь, скажи на милость? Нет тут никого», — говорит.

«Да нет же, есть! — говорю и тут опять слышу: «Два... два... Двадцать... двадцать».

«Да вот же они!» — говорю.

«Фу ты, миссис Гант, — говорит твой папа. — Тебе померещилось. Ты задремала, верно, тебе приснилось».

«Нет, нет, — говорю, — не приснилось. Это здесь. Точно здесь». Потому что я чувствовала, чувствовала, потому что слышала своими ушами.

«Это оттого, что ты в положении, — он говорит. — Ты устала, ты взвинченна, и тебе померещилось».

Тут зазвонили все колокола, и он поднялся уходить.

«Ой, не уходи! — говорю ему. — Не уходи, пожалуйста». Ты понимаешь, у меня было предчувствие, я забеспокоилась, что он уйдет.

И тут снова слышу: «Два... два», — один голос, а другой говорит: «Двадцать... двадцать». А я чувствую, чувствую... Ну конечно! Боже ты мой! Как же мне не помнить, мальчик!.. Час, время, год, до минуты... потому что в тот год налетела саранча и все деревья объела дочиста.

— Но послушай дальше! Бен... Стив... Люк... Фу ты! Мальчик! Джин! Это Люк меня, навер-

но, вспоминает — вот почему я все время зову тебя его именем. Ну так — а? Что ты?

— Ты начала рассказывать про то, как услышала однажды голоса.

— А, да! Конечно! Ну, так я была... погоди! Что это? А?

— Это корабли в гавани, мама.

— Как говоришь? В гавани? Корабли? А, да, наверно, это они. Гавань в той стороне?

— Нет, мам, в другой. Ты повернулась. Наоборот, в другой стороне: там.

— А? В той стороне? Да нет же, детка, не может быть... Ты правду говоришь? Ну, доложу вам! Совсем запуталась. Все из-за того, наверно, что ехали в туннеле. Но на природе меня с дороги не собьешь: ты мне только приметку дай — и доберусь, куда хочешь... Ну, скажу я тебе! Опять он завел! Ну, ей-богу! Прямо как старая корова! И ты тут же — прямо под боком! Как тебя только занесло в такое место! Боже мой! Слушай — слышишь? Это, верно, большой собирается отчалить... Господи Боже мой! Одна порода — твой папа был такой же: только бы сняться да куда-нибудь уехать. Если бы я ему позволила, он только бы и делал, что скитался по белу свету... Сынок, сынок, ты не можешь скитаться всю жизнь... У меня душа беспокойна, что ты где-то далеко, с чужими людьми... Ты не можешь жить один, среди чужих, до конца своих дней... Ты должен вер-

нуться туда, где твои родные... Сынок, сынок, у меня душа беспокойна... Вернись домой.

— Ну так вот, я начала тебе рассказывать, вечером я слышу: один голос... Фу-ты! Опять зашвистел. Слушай, мальчик, я тебе скажу: когда его слышишь — так бы прямо собралась и удрала на нем! А что, не такая уж я старая! Да я хоть сейчас в дорогу и скажу тебе: хочется мне до ужаса — вот прямо сейчас уплыть и посмотреть все на свете, а? Все страны: Англию, откуда вышла вся наша родня, и Францию, Германию, Италию — скажи? А Швейцарию я всегда мечтала повидать — вот где, должно быть, красота... как этот говорил: Сокровищница Природы...

Слушай... а, теперь слышу!.. Теперь поняла... Ну да! В той стороне. А где же тогда мост, по которому мы ночью шли?

— Он здесь — как раз в конце улицы. Да вот! Подойди к окну, посмотри. Ты помнишь, как мы сюда шли?

— Помнишь! Ты еще спрашиваешь, мальчик, помню ли я! Господи Боже мой! Да я такое помню, чего ты и не читал никогда, — все, как было, чего ни в одной книге не прочтешь.

Наверно, они пробовали написать про это в книгах — про все сражения и войны, и думаю, сынок, кое-что им, конечно, удалось рассказать, но, Господи, откуда же им знать, как

это было, когда они этого видеть не могли, когда они еще на свет не родились; и все у них получается таким давним, и словно в чужой стране происходит — откуда им знать, сынок, как это было: как ветер дул, как светило солнце, как дымом пахло на дворе, как мама пела, и перья ошпаренной курицы, и как река разлилась весной после дождей? Как смотрели в тот день мужчины, когда шли поречьем домой с войны, и что мы говорили, и голоса убитых, и как светало, как смеркалось, как грустно мне было на это смотреть, как женщины плакали, когда мы стояли у Боба Паттона на дворе, и как маршировали мимо нас мужчины, и поднималась пыль, и мы поняли, что войне конец. Господи Боже мой! Мне ли не помнить! Я все это помню, детка, — и в точности так все было.

Я помнить начинаю с той поры, как мне исполнилось два года, и скажу тебе, мальчик, за эти годы я очень мало что забыла.

Ну да! Я же помню, как они отвели меня за руку к ручью и напугали до полусмерти — Боб Паттон и твой дядя Джордж, мальчишки, слепили из тамошней черной земли статуи Вилли и Люсинды Паттон, а земля эта в руках, как замазка, мнется — и как я завопила, потому что узнала их, узнала, ведь я их видела обоих и помнила! Вилли и Люсинда — они были рабами у капитана Паттона... Господи!

Самые черные африканские негры, каких ты только видел... отец еще говорил: им бы сажей пудриться, родителей их прямо из джунглей вывезли... а зубищи белые-белые, так и сверкают... Но запах! Этот невозможный запах, этот вечный, черный, негритянский дух, никаким мытьем его не выведешь, мама его не выносила — пройдут, бывало, по комнате, а он после них висит, так маме худо делалось; и вот эти два бесенка слепили фигуры и голышей у ручья набрали, на зубы, и ты подумай! — сказать такое двухгодовалому ребенку! — что это и в самом деле Вилли и Люсинда живые, и Боб говорит: «Смотри! Съедят тебя сейчас», — говорит, и я как зареву, ужас, все как вчера помню.

А как брата Вилла привели на Индейский курган? Ну конечно, поверье было, что там индейцы похоронены, оттого и курган, говорили; а из-под него в ручей стекала такая черная масляная жижа — и отец наш, конечно, всем доказывал, что там нефть, говорил, что если кто додумается пробить там скважину, сразу станет богачом... а Виллу-то всего два с половиной года, а Джордж ему и скажи: это масло жметя из покойников-индейцев, ну и Вилл, конечно, запищал, расплакался... «Да что же это? — мама говорит. — Такие ужасы рассказывать ребенку? Голову тебе мало оторвать, бестолковщина ты этакая».

— Да что говорить! Я ли не помню, как той зимой прискакал олень с горы, из-за дороги, — стал в пяти шагах от меня и смотрит, а я увидела его рога и ну реветь. Господи! Не знаю, что и подумать, отродясь не видала такого зверя, но он тут же в лес ускакал, а когда я маме рассказала, она говорит: «Ну да, ты видела оленя. Конечно, оленя, кого же еще? Его охотники выгнали из леса на горе». И — слушай! — в ту же весну — я уже большая была, четыре года: все запоминала — подступили к нашим местам янки... я ли их не слышала, я ли их не видела своими глазами, злодеев; эти два молодца неслись по дороге на краденых конях, словно угорелые, словно за ними черти гонятся, — все как сейчас помню! И как они выглядели, помню: два солдата, форменные оборванцы, пригнулись и только коней нахлестывают, а на шеях — платки пестрые, уголки назад, вытянулись, торчат, словно накрахмаленные, — представляешь, как они летели? — и слышу, наши кричат, голосят у дороги, что войска идут, и женщины заволновались, прогоняют мужчин, чтобы прятались. Мама руки ломает. «О Господи, идут!» — говорит, а Адди Паттон сбежала с горы, ног под собой не чувствует от страха, малышка!.. «Ой, ой, идут, идут! А дедушка там совсем один, — кричит, — они его убьют, убьют!»

Конечно, мы тогда не знали, что эти босяки-янки вдвоем только; мы думали, их выслала дозором целая бригада Шермана. А вышло так, что остальные еще неделю не показывались, — эти два разбойника, видно, вырвались вперед и хотели попробовать, много ли им самим удастся награть. Да... А как мужчины начали в них стрелять, когда увидели, что они без армии, а те побросали коней и в гору бегом что есть духу? А как после войны пришли люди — представляешь? — из округа Бедфорд требовать своих коней? Они коней узнали и рассказывали, что те двое и угнали их. Да что там! А что рассказывали про Аманду Стивенс — как она своими руками подпалила мост на том берегу Севира и как войска из Теннесси застряли там на неделю, потому что не могли переправиться, — а? — а она стоит и насмехается над ними, и говорили еще, будто она им сказала («Господи! — говорю. — Никогда не поверю, что она могла сказать такое!»)... но чего душой кривить: ругательница была страшная, выражений не выбирала, — да потом все в один голос твердили, что Аманда им так и крикнула: «Эй, неужто вы без моста не перейдете через такой ручеек? Ох, и никчемный же, видать, вы народец. У нас, — говорит, — за мужчину того не считают, кто... с берега до берега не...» — И янки, конечно, — а что тут остается? — засмеялись.